

Читайте в серии:

Александра Флинт
«**Молчаливые секреты**»

Продолжение следует...

АЛЕКСАНДРА
ФЛИНТ

МОЛЧАЛИВЫЕ
СЕКРЕТЫ

Freedom

Москва
2026

УДК 821.112.2-312.9

ББК 84(4Гем)-44

Ф72

Volume 1: Silent Secrets by Alexandra Flint
Silent Secrets © 2024 by Planet! in Thienemann-Esslinger Verlag
GmbH, Stuttgart
Text by Alexandra Flint

Флинт, Александра.

Ф72 Молчаливые секреты / Александра Флинт ; [перевод с немецкого Е. Сибуль]. — Москва : Эксмо, 2026. — 480 с.

ISBN 978-5-04-237683-2

Глубоко под улицами Парижа скрывается древняя тайна, оберегающая хрупкое равновесие мира: библиотека Мондиа, тайное царство, наполненное книгами, которые хранят память о судьбе человечества.

Реми, однако, ничего об этом не знает. Она ведёт обычную жизнь, предпочитая проводить время в цветочном магазине своей сестры. Так продолжается до тех пор, пока Казимир не заходит в магазин, требуя волшебную шкатулку, которая, по его словам, находится у неё. Ведь она — последняя наследница Рипари, рода, который веками защищал библиотеку. И теперь она должна спасти Мондиа от разрушения. Но пока Реми и Казимир противостоят надвигающимся опасностям, их враги уже скрываются в тени, полные решимости навсегда уничтожить мир, каким мы его знаем...

УДК 821.112.2-312.9

ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-04-237683-2

© Сибуль Е., перевод на русский язык, 2025

© ООО «Издательство «Эксмо», 2026

*Из всех миров, созданных людьми, книги —
самый могущественный*

Генрих Гейне

Плейлист

Dernière danse — Indila
Chasing Cars — Snow Patrol
Nothing Is As It Seems — Hidden Citizens, Ruelle
Je te pardonne (fest. Sia) — GIMS, Sia
Pompei MMXXIII — Bastille, Hans Zimmer
In My Blood — Tommee Profitt, Fleurie
Hungry Hearts — Declan J Donovan
Luminary — Joel Sunny
RUNNING — NF
Way Beyond — Bastille
Up In Flames — Ruelle
Got It In You — BANNERS
Supermassive Black Hole — Muse
Rolling in the Deep — Adele
Fighter — The Score
Hit Sale — Therapie TAXI, Roméo Elvis
Hurts Like Hell — Tommee Profitt, Fleurie

Посвящается М.

Не могу дождаться, когда прочитаю твою историю.

Пролог

Пиренеи, 19 лет назад

Пушистые хлопья снега густым слоем падают с низко нависших туч. Они словно непроницаемая паутина покрывают практически все небо, поэтому сложно понять, что на дворе темная ночь. Не видно ни одной звезды, даже некогда такой светлой полной луны, а мир словно бы затаил дыхание, в то время как снежная буря бушует над отвесными склонами Пиренеев. Все это напоминает мне молчаливое предупреждение природы о том, что нельзя ехать дальше. Нельзя следовать по пути, который непременно приведет к точке невозврата. Осталось лишь это мгновение, это решение, которое меняет все и ничего после себя не оставит.

Я смотрю на свои замерзшие руки. Они слегка дрожат, как и наша слишком маленькая машинка, на которую постоянно обрушиваются, сотрясая ее, мощные порывы ветра. То, что мы вообще здесь находимся, — чистое безумие. Безрассудство в самой опасной форме. Нашему «Рено-Клио» уже почти пятнадцать лет, и он вряд ли предназначен для обычных поездок на дальние дистанции, не говоря уже об узких горных дорогах, по которым мы немилосердно гоним его. Но у нас есть только он, и это наш единственный шанс.

Я нервно заламываю руки и вглядываюсь во тьму. Желтоватый свет выдавших виды фар с трудом пронзает снег и мрак, и я не в первый раз задаюсь вопросом, не было ли все это огромной ошибкой. Правильное ли решение я приняла. Для нашего ребенка. Для нас. Для них.

— Жанна.

Моего имени, произнесенного им с такой теплотой и нежностью, хватает, чтобы вырвать меня из сумбурных мыслей.

Взгляд карих глаз Андре не отрывается от извилистой дороги, и тем не менее я знаю, что он смотрит на меня. Рядом с ним я всегда чувствую, что меня видят. Все мои мысли, мои страхи. Это его необычная способность, подобной ей нет в этом мире. Мой муж видит больше, чем я, возможно, когда-либо смогу осознать. Именно поэтому он не стал задавать вопросы, когда я разбудила его и заставила уехать. Когда я лихорадочно упаковала вещи в две большие сумки и забрала наших детей из кроваток. Андре не задал ни единого вопроса, не потребовал объяснений, лишь заглянул мне в глаза и кивнул. Потому что он видел. Видел страх в моих глазах, срочную необходимость покинуть Париж. Ответы, которые я не могла ему дать.

Боже мой, еще никогда в своей жизни я так не боялась.

Я вспоминаю письмо с шестеренкой и вздрагиваю.

Вспоминаю то слово, и по моей коже бегут мурашки.

Я думаю о том, что это значит для моей маленькой девочки, и чувствую, как внутри меня все холодеет.

Страх.

Смертельный ужас.

Словно сам по себе мой взгляд падает на старую кожаную сумку, в которой скрыты запретные слова и маленькая золотая шестеренка. Постоянное напоминание о том, что я сделала. Напоминание об огромной ошибке, которую я когда-то совершила. Я бы все отдала, чтобы этой ночи не было, и в то же время мне бы не хотелось ничего менять. Потому что это бы означало, что я отказываюсь от моей доченьки, а я бы так никогда не поступила. Только через мой труп. Мне бы просто хотелось, чтобы обстоятельства были другими. Хотелось бы видеть другой мир, в котором не существует этих правил, несущих ей смерть.

— Жанна, — снова произносит Андре, и я сла-
тываю.

— Мне жаль.

Он качает головой и крепче сжимает руль, приближа-
ясь к следующему повороту.

— Нам нужно развернуться. Опасно в такую снеж-
ную бурю продолжать подъем в горы.

Я оглядываюсь, смотрю на нашего двухлетнего сына Клемента и его маленькую сестру Женевьеву, которой едва исполнилось полгода. Оба спят на детских сидень-
ях и не чувствуют, как вокруг них трясется земля и на-
сколько опасен наш побег из этого проклятого города.

«Мы не можем вернуться. Нет, учитывая то, что
ждет нас там. Они знают о ней и убьют ее. Они всех нас
убьют. Или сделают что-то еще хуже».

— Мы не можем вернуться, — в следующее мгно-
вение я высказываю свои мысли. Голос охрип от непро-
литых слез, уже много часов душивших меня.

Андре притормаживает, и мое сердце начинает ко-
лотиться. Потом он останавливается посреди дороги,

оставив работающий мотор, переключает машину на нейтральный режим и тихо чертыхается. Наверное, я еще никогда не слышала, чтобы он ругался. Ему это не идет, но соответствует всей этой ситуации. Всей этой проклятой ситуации, в которую я нас втянула.

— Я люблю тебя, Жанна, ты же знаешь. Люблю тебя так, что и словами не описать, и именно поэтому я не поеду дальше. Эта дорога нас убьет.

Глаза начинает щипать.

— Я понимаю, что многого не знаю о тебе и твоём прошлом. У тебя бесчисленное количество тайн от меня, и я никогда не просил объяснений, но прямо сейчас я молю тебя, Жанна, поговори со мной. Скажи мне хоть что-нибудь. И если не ради нас, то ради наших детей.

Я внутренне содрогаюсь. Пронизывающий страх сжимает когтями мои внутренности.

— Я не могу. Не могу тебе рассказать. Ты... ты просто должен мне верить, — мой язык снова сворачивается тугим узлом, как только разговор заходит об этом. Об этой части моей жизни, которую я больше года назад оставила позади и которая теперь, спустя столько времени, снова охотится за мной. О том, что касается моей семьи и меня. Я верила, что смогу сбежать. Какой же наивной я была.

— Пожалуйста, поверь мне, Андре, я бы хотела тебе все рассказать, но я...

— Ты не можешь, — в его голосе не осталось тепла, слышится лишь холодная покорность, и это заставляет меня содрогнуться. Внезапно я чувствую страх по иной причине. Я не могу сделать это без него. Я слишком слаба. Возможно, так было всегда.

Будь храбрее. Будь смелее. Не бойся.

— Давай поедem дальше. Пожалуйста. Мы можем остановиться в следующей деревне и там провести ночь, только... не нужно возвращаться.

Он долго смотрит на меня, а тишину заполняют рокот старого мотора, работающего с перебоями, и шум ветра. Наконец Андре тихо вздыхает.

— Мы проехали последнее селение около часа назад. Давай вернемся туда и переждем бурю. Потом сможем все спокойно обдумать.

При одной только мысли о том, чтобы снова оказаться близко к Парижу, во мне все сжимается. Однако маленькая логическая часть меня, все еще не полностью поглощенная паникой, понимает, что Андре прав. Решение продолжить путь равнозначно самоубийству. Одно только то, что мы добрались сюда, не съехав с дороги, уже чудо, и я и так достаточно долго испытывала нашу удачу на прочность.

Я едва заметно киваю и беру Андре за протянутую руку. Наши пальцы переплетаются словно бы сами собой, и мое колотящееся сердце сразу же немного успокаивается.

— Все будет хорошо, Жанна. Все будет хорошо, пока мы вместе. Помнишь?

Из-за его слов мои губы дрогнули в улыбке. По-другому нельзя. Я снова киваю.

— Вместе.

— Вместе, — повторяет он, оставляет поцелуй на моих холодных пальцах, а потом снова берется за рычаг переключения передач, собираясь отвезти нас в безопасное место.

Мгновение я даже верю в это. В эту милую иллюзию, что мы все вместе сможем оказаться в безопасности.

Что где-то там действительно есть что-то *хорошее*. Что Андре, Клемент, Женестьева и я сможем начать все сначала, вдали от страха и ужаса, от этих проклятых слов, книг и тайн.

Вдали от *него*.

Это прекрасное мгновение, легкое мгновение.

Мгновение, которое нужно Андре, чтобы развернуть машину.

Мгновение, в которое моя слабая полуулыбка, в ответ на которую Андре улыбнулся, кажется настоящей. В груди разливается тепло, и давление ослабевает.

— Люблю тебя, — произношу я, положив руку на его бедро.

Андре легонько проводит пальцами по моей руке и открывает рот, однако слова так и не срываются с его губ. Потому что в следующую же секунду это легкое мгновение обрывается, словно пластинка, достигшая конца, и иллюзия разлетается на множество острых осколков.

Отделяя прежнее от грядущего.

Что-то со всей силы врезается в нашу машину, раздается пронзительный оглушающий треск, от которого взрывается голова, а мир вокруг нас превращается в водоворот из снега, тьмы и желтоватого света. Все кружится, пока я не перестану понимать, где верх, а где низ. Пока не остается только красное, боль и шум. Стекло хрустит, металл трещит. Все это длится вечно, а возможно, и две. Я крепко зажмуриваюсь и кричу. Кричу, потому что слышу плач Клемента и Женестьева. Кричу, потому что Андре не издает ни звука. Кричу, пока голос не срывается и не замолкает. Становится тихо. Так ужасно и окончательно тихо.

Я едва смею дышать — каждый вдох обжигает, как пламя, и кажется последним. Но я осторожно вздыхаю и открываю глаза. *Ради семьи.*

Сначала я замечаю, что закончился снег. И бури больше нет, ночь уже не мрачная, а наполнена мягким светом полной луны. И мне кажется, что я все выдумала. Опасность, все эти многочисленные перевороты машины, но потом я бросаю взгляд налево, где Андре с широко раскрытыми глазами висит на ремне безопасности. Смотрю назад, где Клемент неподвижно сидит на детском сиденье. Где Женестьева лежит в отделении для ног и больше не шевелится. Смотрю на них, вижу кровь, осколки стекла и жизнь, которая давно покинула их маленькие тела. В панике я пытаюсь подняться с сиденья, игнорируя боль, потому что могу думать лишь о том, как бы подобраться к ним, прижать к себе, но что-то меня сдерживает. Ноги прищемило, я больше их не чувствую, а острая штука, торчащая из моего тела... я снова кричу. В этот раз беззвучно, потому что сил больше нет, потому что я хочу дотянуться до своих малышей и не могу.

Потому что я не умерла вместе с ними.

Холодный ветер проникает внутрь через разбитое окно и приносит с собой запах бензина, крови и смерти.

Моя семья мертва.

Я обмякаю на сиденье, потому что больше не могу держаться прямо и потому что я беспомощна и бессильна. Это уже чересчур. Уже слишком. Каким-то образом мне удастся сделать вдох. При этом я надеюсь, что это в последний раз. Что смерть и меня заберет, как поступила с моей семьей. Что все пройдет быстро.

Все будет хорошо, я не оставляю тебя.